

Столичные города и неоднозначность их роли в жизни государства

ГОРАН ТЕРБОРН, КОН ЧОН ХО

ГОРАН ТЕРБОРН. Доктор социологии,
заведующий кафедрой и почетный про-
фессор социологии в Кембриджском
университете, Великобритания.
Адрес: Free School Lane,
Cambridge CB2 3RQ.
E-mail: gt274@cam.ac.uk.

КОН ЧОН ХО. Доктор социологии,
адъюнкт-профессор факультета социо-
логии Государственного университета
Сингапура.
Адрес: 10 Kent Ridge Crescent,
Singapore 119260.
E-mail: sochokc@nus.edu.sg.

Ключевые слова: столицы, глобальные
города, Юго-Восточная Азия.

В статье обсуждается вопрос статуса столиц в современном глобализирующемся мире. Социологи сосредотачиваются на опыте азиатских государств, прежде всего столиц Юго-Восточной Азии. Приведенные примеры показывают, как важнейшие проблемы политической власти и политической борьбы проявляются в жизни столичных городов. Будучи основным местом осуществления национальной политики, столицы выступают точками постоянного противостояния и развития государства в целом. Вопреки ожиданиям многих теоретиков глобализма и марксизма, культурные, этнические и религиозные различия определяют облик столичных городов. Мировой капитализм не смог поглотить столицы национальных государств, которые продолжают играть чрезвычайно важную роль в качестве центров международных и межрегиональных отношений.

CAPITAL CITIES AND THEIR
CONTESTED ROLES IN THE LIFE
OF NATIONS. INTRODUCTION

GÖRAN THERBORN. PhD in Sociology,
Professor and Chair of Sociology at
the University of Cambridge.
Address: Free School Lane,
Cambridge CB2 3RQ.
E-mail: gt274@cam.ac.uk.

KONG CHONG HO. PhD in Sociology,
Associate Professor at the Department of
sociology of the National University of
Singapore.
Address: 10 Kent Ridge Crescent,
Singapore 119260.
E-mail: sochokc@nus.edu.sg.

Keywords: capitals, global cities, Southeast Asia.

The article discusses the status of capital in the modern globalized world. Sociologists focus on the experience of Asian countries, states of the Southeast Asia primarily. Examples how major issues of political authority and political strife manifest themselves in a life of capital cities. As a main places of implementing the national politics capitals appear to be points of permanent confrontation and development of a state as a whole. Regardless of expectations of most of the globalism and marxist theoreticians, cultural, ethnic and religious diversity that states use to strengthen and support embody in capital cities. Global capitalism was unable to assimilate nation states capitals that keep playing extremely important role as a centers of international and interregional relations.

ГОРОДА И ВЛАСТЬ

А редким исключением столичные города, в соответствии с утверждением Фридманна¹, представляют собой ключевое звено, обеспечивающее связь государства с мировой экономикой. Столичные города достаточно эффективно исполняют роль глобальных городов; в этом им способствует их обусловленное историческими причинами центральное положение в транспортной системе страны, сектор перспективных услуг, бурно развивающийся в непосредственной близости от институтов политической власти, и ряд лучших в стране образовательных учреждений, выпускающих высокопрофессиональных специалистов по экономике городов.

Сассен² предполагает, что «глобальный город представляет собой такое стратегическое пространство, в котором глобальные процессы происходят на территории конкретного государства, а динамика глобального развития затрагивает институциональные механизмы этого государства». Подобное понимание глобальной экономики, того, где именно и как именно она взаи-

Перевод с английского *Марины Бендет* по изданию: © *Therborn G., Ho K. C.* Introduction // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action.* 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 53–62.

Проект «Столичные города» был разработан, когда доктор Хо работал в качестве приглашенного научного сотрудника в Шведской коллегии ведущих исследований (SCAS); тогда же был задуман семинар по данной теме. Доктор Хо выражает благодарность Государственному университету Сингапура за предоставленный ему творческий отпуск, а также благодарит SCAS и Горана Терборна за возможность работы в Уппсале, Швеция.

1. См.: *Friedmann J.* The world city hypothesis // *Development and Change.* 1986. Vol. 17. Iss. 1. P. 69–83.
2. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. P. 347.

модействует с экономиками местного и регионального масштаба, а также конкуренции между городами и влияния глобальных городов как отдельных структур — вот основные вопросы, стоящие перед городскими исследованиями и исследованиями глобализации. Пренебречь государством, властью и политикой в рамках такого исследования означает ограничить представление о них теорией городского предпринимательства и менеджризмом, в свете которых их легитимность оказывается слишком тесно связанной с вопросами наличия рабочих мест и разрешения городских проблем. В дополнение к такому подходу следует рассматривать развитие политической власти. Наше представление о сочленении различных форм власти близко к призыву Мэсси³ обосновать глобальное, а также к утверждению Амина⁴ о том, что «крупные города должны стать центрами более крупного географического пространства». Кроме того, нам хотелось бы вывести обсуждение за рамки одной лишь экономики и изучить функционирование политических процессов в столичных городах.

В одном ряду с распространением экономической мощи стоят насилие, государственное регулирование, демократия или диктатура, судебная и правовая системы, манипуляция массами или массовая мобилизация; при этом власть должна быть узаконенной и символически выраженной. Города — не только места расположения деловых кварталов; прежде всего это живые пространства, выстроенные для значительных концентраций людей: покорных или бунтующих, бедных и надеющихся на светлое будущее, богатых и власть имущих.

Столичные города, как место, где располагается правительство страны, обладают одной чертой, которая дополняет их статус глобальных городов, отличает от всех прочих глобальных городов и, как следствие, превращает в интересный предмет для конкретного исследования. Столица — центр власти на государственном уровне — опирается на целую совокупность традиций и символов и олицетворяет могущество государства как внутри него самого, так и за его пределами⁵. При этом общественные движения и социальные протесты оспаривают власть, которой наделен сто-

3. Massey D. World City. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 12–13, 165–169.

4. Amin A. Re-thinking the urban social // City. 2007. Vol. 11. Iss. 1. P. 101.

5. См.: Myers G. A. Making the socialist city of Zanzibar // Geographical Review. 1994. Vol. 84. № 4. P. 451–464; Leitner H., Kang P. Contested urban landscapes of nationalism: the case of Taipei // Cultural Geographies. 1999. Vol. 6. № 2. P. 214–233; Therborn G. Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // Housing, Theory and Society. 2002. Vol. 19. P. 26–47; Sonne W. Representing the State. Capital City Planning in the Early Twentieth Century. Munich: Prestel, 2003.

личный город⁶. И олицетворение могущества страны, и городские протесты разворачиваются в публичных пространствах столичного города, при этом протесты становятся, по выражению Амина⁷, местом политического становления. Глобальная политическая экономия крупных городов обоснованно является важным полем для исследовательской работы, но, по нашему мнению, подобное поле также представляют собой политика и культура таких городов. Последнее исследовательское поле обеспечивает особую точку зрения на вопросы власти и урбанизации.

Упомянутые выше силы — глобальные, государственные и местные — отражают три уровня функционирования столичного города. По мнению Дугласа⁸, столица — это отчасти город мирового значения или глобальный город, центр накопления капитала; отчасти — место, где через капитал государства отображаются экономическое развитие, культурные традиции и политическая мощь страны; отчасти — город с местным самоуправлением, задача которого состоит в обустройстве жизненного пространства горожан.

СЛУЧАЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Мы полагаем, что Юго-Восточная Азия (при наличии ссылок на ситуацию в Азии в целом) может рассматриваться как важный, отдельный случай в рамках исследования политического могущества столичных городов. На то есть три причины. Во-первых, национализм в Юго-Восточной Азии (за исключением Филиппин) по сравнению с Европой и обеими Америками возник достаточно поздно, а разнообразие его видов соответствует противопоставленным ему различным видам империализма. Таким образом, молодые азиатские государства все еще заняты поиском подходящей политической системы, которому сопутствуют внутренние противоречия и конфликты. В этом поиске важная роль отведена столичным городам — местам, где устанавливаются границы власти новых режимов как на внутrigосударственном, так и на международном уровнях.

Во-вторых, если национализм — недавнее явление, то урбанизация много старше. Крупные юго-восточноазиатские города — это бывшие центры монархий, места, где расположены ре-

6. См.: *Hershkovitz L.* Tiananmen square and the politics of place // *Political Geography*. 1993. Vol. 12. № 5. P. 395–420; *Tonkiss F.* Space, the City and Social Theory. N.Y.: Polity Press, 2005.

7. *Amin A.* Collective culture and urban public space // *City*. 2008. Vol. 12. Iss. 1. P. 6.

8. См.: *Douglass M.* Local city, capital city or world city? // *Pacific Affairs*. 2006. Vol. 78. № 4. P. 543–558.

лигиозные сооружения и постройки времен колониализма. Создание новых символических форм как средств узаконивания власти поднимает вопрос о том, как эти новые формы уживутся с многообразием уже существующих в городе культурных и религиозных символов.

В-третьих, рассматриваемый регион за последние три десятилетия пережил быстрый экономический рост, значительная доля которого пришлась на столицы⁹. Такие изменения привели к формированию в столичных городах более сложной формы городской политики, возникшей в связи с ростом количества и разнообразия сельских мигрантов; с возникновением на рынке труда значительного транснационального сектора, включающего квалифицированных сотрудников, чернорабочих и работников сферы обслуживания; с увеличением среднего класса и городской бедноты.

Исследования столичных городов оказываются особенно удачными в региональном контексте, при проведении сравнений, учитывающих такие переменные, как близость, система связей и разнообразие¹⁰. Юго-Восточная Азия обеспечивает особую точку зрения и ставит некоторое количество сложных задач. Здесь сосуществуют три великие азиатские цивилизации — китайская, индийская и переднеазиатская исламская, — завоеванные разными колониальными империями; здесь до сих пор остались регионы, обладающие относительной независимостью и сохраняющие множество традиционных институтов. Это место, где после Второй мировой войны, в период глобальных горячих и холодных войн, пролегал основной фронт борьбы капитализма с коммунизмом; место, где, помимо Японии и Южной Кореи, был создан успешный вариант капитализма, существующий за счет ориентированных вовне и зависящих от внешних факторов националистических государств. Иными словами, Юго-Восточная Азия — регион, для которого характерны исключительное разнообразие и сложность культур, масштабная и яростная политическая борьба, а также недавние массовые социальные преобразования, экономический рост и/или скачкообразная урбанизация (рис. 1).

«Юго-Восточная Азия» — недавний геополитический конструкт, навязанный извне в ходе Второй мировой войны¹¹ и получивший некоторую поддержку изнутри только после созда-

9. См.: Ho K. C. Globalization and Southeast Asian capital cities // Pacific Affairs. 2006. Vol. 78. № 4. P. 535–541.

10. Ср.: Therborn G. Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830–2006 // International Review of Sociology. 2006. Vol. 16. № 2. P. 209–242.

11. Anderson B. The Spectre of Comparisons. L.: Verso, 1998. P. 3f.

РИС. 1. Страны и города,
о которых пойдет речь в специальном материале

ния в 1967 году Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Эверс и Корфф¹² подчеркивают, что в Юго-Восточной Азии нет общей городской традиции, однако существует опора на различные городские традиции, пришедшие из буддийской, китайской, малайской и индийской культур, и на опыт колониальных империй, таких как Британия, Голландия, Испания, Франция и Португалия. Тем не менее упомянутое геополитическое наименование отсылает к важному общему контексту, включающему древние морские пути, которые использовались для торговли, религиозного и в целом культурного обмена и миграции; «водную цивилизацию», возникшую вблизи водных путей и развивавшуюся в виде поселений на архипелагах, у проливов и на берегах рек; множество религий и этнических групп, в том числе такие значимые транснациональные этнические группы, как малайцы

12. См.: Evers H.-D. , Korff R. Southeast Asian Urbanism. Hamburg: LIT, 2000.

и китайцы. Благодаря росту гигантских экономик Китая и Индии и наличию уже сложившейся экономики Японии, а также несмотря на ограниченность взаимной торговли и различные внутренние особенности развития экономики в геоэкономическом отношении Юго-Восточная Азия являет собой отдельный регион.

Настоящий сборник статей с большим вниманием, чем «урбанизм» Эверса и Корффа, обращается к теме столичных городов, а также рассматривает большее многообразие таких городов. Мы даже расширили общепринятые границы Юго-Восточной Азии, включив в них Дакку и Тайбэй: обычно, несмотря на близость к рассматриваемому региону, эти города относят, соответственно, к Южной и Северо-Восточной Азии. Мы сознательно не говорим здесь о Сингапуре, который уже был достаточно изучен и к тому же представляет собой, скорее, город-государство, чем столицу. Каждая статья посвящена одному городу, а сравнительный региональный контекст мы получаем за счет последовательного прочтения всех материалов сборника.

Наш специальный материал, посвященный столицам Юго-Восточной Азии, рассматривает три основных вопроса.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И СТОЛИЦА

Юго-Восточная Азия — регион, где царят новые формы национализма. Политическая власть сосредоточена в столичном городе¹³, централизованное правительство напрямую контролирует столичный регион¹⁴. Сталкиваясь с сопротивлением со стороны других политических партий, с сепаратистскими тенденциями и с наличием «групп по интересам», новые режимы используют столицы не только в качестве своих опорных пунктов. Столичные здания становятся фоном и сценой для обоснования законности этих режимов, при этом власть предрежащие обращаются к воспоминаниям о прекрасном прошлом, сочетая с ними новые, обладающие символическим значением элементы.

В двух государствах исследуемого нами региона недавно были созданы новые столичные города: это Нейпидо в Мьянме/Бирме и Путраджайя в Малайзии. Оба города — результат националистических проектов, осуществленных авторитарными правительствами; однако они являются выражением совершенно разного национализма. Путраджайя — это модернистская,

13. Ibid. P. 41.

14. Rüland J. The dynamics of metropolitan management in Southeast Asia: an introductory note // The Dynamics of Metropolitan Management in Southeast Asia / J. Rüland (ed.). Singapore: ISEAS, 1996. P. 14.

ориентированная вовне проекция¹⁵; Нейпидо же символизирует перевод власти из колониального Янгона, где до сих пор широко распространен английский язык, внутрь страны, в город, втайне построенный военной хунтой и украшенный гигантскими статуями бирманских королей доколониального периода.

Перенос столицы из Янгона в Нейпидо, осуществленный в Мьянме военной хунтой, — редкий для современной эпохи пример; в статье Сикинса¹⁶ приводятся геополитические и внутренние динамические причины подобного поступка. Нейпидо олицетворяет попытку диктатуры создать защищенное стратегическое пространство, перечеркнуть связанную с Янгоном беспорядочную историю страны и заново создать идентичность бирманца на базе новой столицы.

В литературе часто говорится о строительстве глобальных городов в терминах конкуренции между городами, выражающейся в чрезмерном использовании модернистских элементов¹⁷. В нашей ситуации и то и другое, безусловно, верно для случаев небоскреба Тайбэй 101 и башен Петронас в Куала-Лумпуре. Однако более тщательное изучение нового облика азиатских городов показывает, что заимствование и внедрение элементов какой-либо культуры происходит сообразно с доминирующими в государстве традициями. Об этом более подробно говорится в исследовании Го и Ляо¹⁸, где демонстрируется, что при оформлении общественных зданий в столичном Куала-Лумпуре архитекторы все чаще обращаются к ближневосточной символике. Та же тенденция прослеживается и в индонезийских городах. Таким образом, в городах Юго-Восточной Азии мы наблюдаем достаточно сложное взаимодействие тенденций глобализации. Наряду с обращением к светским модернистским тенденциям, характерным для глобализирующихся городов во всем мире, страны Юго-Восточной Азии, в которых господствует религиоз-

15. Ср.: *Bunnell T.* Malaysia, Modernity and the Multimedia Super Corridor. L.: Routledge, 2004.

16. *Seekins D. M.* "Runaway chickens" and Myanmar identity: relocating Burma's capital // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action.* 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 63–70.

17. См.: *Olds K.* Globalization and the production of new spaces: pacific rim projects in the late 20th century // *Environment and Planning A.* 1995. Vol. 27. P. 1713–1743; *Marshall R.* Emerging Urbanity: Global Urban Projects in the Asia Pacific Rim. N.Y.: Spon Press, 2003; *Newman P., Thornley A.* Hong Kong, Shanghai and Singapore: a battle for regional dominance: mega projects and state-led visions // *Planning World Cities: Globalization and Urban Politics* / P. Newman, A. Thornley (eds.). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 227–254.

18. *Goh B.-L., Liauw D.* Post-colonial projects of a national culture: Kuala Lumpur and Putrajaya // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action.* 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 71–79.

ная традиция, при строительстве столиц (в том числе Нейпидо и Бангкока) ищут вдохновения в других религиозных центрах государства. Наиболее четко это заметно на примере исламских государств: ближневосточные влияния заметны в Путраджайе, Джакарте, а также в региональных центрах, таких как Макасар и Сурабая.

Среди столичных городов Юго-Восточной Азии Бангкок, вероятно, остается лучшим примером того, как ведущий город страны осуществляет власть, оказывая огромное экономическое и культурное влияние на всю остальную территорию страны и создавая проецирующийся во внешний мир образ Таиланда. Вебстер и Манипонг¹⁹ демонстрируют, каким образом подобное превосходство проявляется в национальной политике. Национальная политика Таиланда до сих пор во многом опирается на сельскохозяйственное производство, а остающееся преимущественно деревенским население страны недавно определило состав нового правительства страны. Однако в связи с тем, что значительную часть жителей Большого Бангкока составляют интеллектуалы и представители среднего класса, столица — пусть и неофициально — играет в жизни государства важную роль, представляя собой центр, где сосуществуют различные политические взгляды и политическое инакомыслие. Именно Бангкок зачастую оказывает ключевое влияние на деятельность политических партий: так, в 2006 и 2008 годах именно жители столицы добились того, что избранное правительство страны было распущено.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Для дискурса элит в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии — в отличие от стран Южной и Северной Атлантики — характерно видение глобализации как политической альтернативы, но не как неизбежности. Один из крупных индонезийских аналитиков так высказался о странах АСЕАН: «...экономики таких стран АСЕАН, как Индонезия, Филиппины, Таиланд и Вьетнам, начали глобализоваться лишь в 1980-е годы <...> В случае с Вьетнамом, как и в случае с другими экономиками стран АСЕАН, глобализацию инициировало правительство»²⁰. В 1994 году Королевская академия Таиланда официально одобрила слово *loka-*

19. Webster D., Maneepong Ch. Bangkok: global actor in a misaligned national governance framework // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 80–86.

20. Soesastro H. Domestic adjustments in four ASEAN economies // Domestic

piwat в качестве правильного перевода на тайский язык термина «глобализация», тем самым отказавшись от использовавшегося ранее слова *lokaniuwat*. Отвергнутый вариант перевода означает «действовать так же, как весь мир», тогда как официально одобренный переводится примерно как «развитие в мировом масштабе» или «завоевание мира»²¹. Во Вьетнаме существует *doi moi*²², в Лаосе — «новый механизм в экономике»; оба термина описывают принятую в этих странах политику, подразумевающую, что государство отныне будет открыто для предоставляемых капитализмом и почерпнутых извне возможностей, а также для глоболизирующих влияний.

Подобная открытость внешним экономическим влияниям может обесценить власть политической столицы. Как отмечает Логан²³, столичный город Ханой как центр государственной власти оказывается вдвойне уязвимым. Если рассматривать ситуацию внутри страны, то Ханой был вынужден разделить власть с расположенным на юге Вьетнама Хошимин (Сайгон, Чолон), при этом Ханой сохранил влияние в политической и культурной сферах, тогда как его соперник превзошел его по экономическим и демографическим показателям. Что же касается ситуации за пределами страны, то и здесь Ханой также был вынужден добиваться признания, при этом его рассматривали как столицу слабого государства, куда последовательно вторгались Китай, Франция, Америка и Советский Союз. Логан утверждает, что двойное испытание, выпавшее на долю Ханоя, вынудило правительство страны более четко демонстрировать могущество этого города как столицы или хотя бы создавать иллюзию его могущества. Это было сделано за счет городского планирования и архитектурного проектирования, установки памятников героям и переименования городских улиц и прочих мест в городе в честь важных исторических событий и деятелей.

Лаос, вероятно, беднейшая из стран Юго-Восточной Азии; Уолш и Саутисенг²⁴ утверждают, что именно бедность лишает Вьентьян возможности проявить свою власть. В результате Вьентьян в высшей степени зависим от международной финансовой помощи, предоставляемой для нужд социального и эко-

Adjustments to Globalization / C. Morrison, H. Soesastro (eds.). Tokyo: JCIE, 1998. P. 27–28.

21. Chantana B. Thailand // Domestic Adjustments to Globalization / C. Morrison, H. Soesastro (eds.). Tokyo: JCIE, 1998. P. 259.

22. Обновление, восстановление.

23. Logan W. S. Hanoi, Vietnam: representing power in and of the nation // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 87–94.

24. Walsh J., Southiseng N. Vientiane: a failure to exert power? // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 95–102.

номического развития страны. Будучи одной из сторон в неравноправных взаимоотношениях на региональном и международном уровнях, Вьентьян борется за сохранение могущества внутри страны, используя основанную на принуждении власть и религиозные символы, призванные подтвердить законность его притязаний.

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЖИМА И ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДА

Изменения политического режима оказывают весьма значимое воздействие на представительские функции и городское пространство столицы, однако в каждом случае это воздействие проявляется через различные промежутки времени. На Ханой оказало значительное влияние обретение независимости, ставшее результатом антиколониального освободительного движения и расцененное как начало пути к социализму. Приход Гоминьдана в Тайбэй сделал город временной столицей нового Китая, над которым необходимо вновь установить власть. Успех капитализма в Тайване привел к появлению других символов, таких как небоскреб Тайбэй 101, строившийся в качестве самого высокого здания в мире. Джакарта отказалась от голландской топонимики, помимо прочего переименовав *Koningsplein* (Королевскую площадь) в *Lapangan Medan* (площадь Независимости); Дакка же, напротив, сохранила на улицах памятники времен колониализма. В Куала-Лумпуре есть государственные институты, такие как парламент или главная мечеть, однако «государственным памятником» в городе сегодня считается копия Вашингтонского Мемориала Иводзимы, установленная не в честь обретения независимости, но в память о победе консерваторов и приверженцев колониализма над коммунистами. Постепенная национализация Бангкока на деле выразилась в переносе центра от священных храмов и дворцов на северо-запад города, в новый центр, где расположены парламент и министерства, а также новый королевский дворец; старый и новый центр соединяет новая главная улица города — Рачадамнон.

Статья о Тайбэе²⁵ демонстрирует, каким образом политические режимы зачастую используют экономическое могущество столичного города в политических целях и как при этом судьба города оказывается связанной с национальной политикой. Ванг и Хуанг показывают, что политика в Тайване сегодня представ-

25. Wang J. H., Huang Sh. Contesting Taipei as a world city // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 103–109.

ляет собой систему, в которой две политические партии — «Гоминьдан» и Демократическая прогрессивная партия — контролируют различные регионы страны, а власть крупных городов оказывает значительное влияние на борьбу за доминирование, характерную для внутренней политики государства. Когда Тайбэй добился процветания, в городе началось строительство более эффектных зданий, стала расти зависимость местной экономики от Восточной Азии и от мировой экономики в целом; со временем город перестал зависеть от остальной территории страны. Этот разрыв и вызванное им пространственное неравноправие позволили оппозиционной Демократической прогрессивной партии заручиться поддержкой населения; после победы на государственных выборах 2000 года столица перестала быть центральным пунктом политики этой партии, отныне обратившейся к развитию южных регионов страны.

Эксперименты с демократией и регионализмом в Индонезии также привели к интересным изменениям: в условиях поворота к постепенной децентрализации власти возникли новые центры регионов, которые стали использовать традиционные и региональные элементы для конкуренции с символической властью Джакарты. Салим и Комбайтан²⁶ обращаются к новейшей истории Джакарты и показывают, как на развитии индонезийской столицы в период правления Сукарно и Сухарто сказались планы лидеров государства продемонстрировать всей остальной стране могущество столичного города. Недавние политические изменения, произошедшие после отставки Сухарто, способствовали упрочению положения других, прежде всего яванских, крупных городов. Процесс децентрализации привел к росту нового символического соперничества с другими региональными центрами, в рамках которого новые символы региональной идентичности оказываются связанными с символами развития.

Если Нейпидо и Путраджайя стали географическими точками концентрации политической власти, то политические перемены в Маниле поместили этот столичный город на противоположный край спектра. По наблюдениям Порио²⁷, места расположения государственной власти и государственных органов оказываются все более рассредоточенными в пространстве. Постоянно идущая в Маниле борьба за народную демократию преобразила городское общественное пространство и создала символиче-

26. *Salim W., Kombaitan B.* Jakarta: the rise and challenge of a capital // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action.* 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 120–128.

27. *Porio E.* Shifting spaces of power in Metro Manila // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action.* 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 110–119.

ски значимые места, важные в политическом смысле. Но, помимо этого, Порио говорит и о том, что избранные президенты страны сумели продемонстрировать доминирующие в филиппинской демократии олигархические тенденции, выбирая для собственного торжественного введения в должность не свои дворцы, но народные общественные пространства. В Маниле — месте, где строится политика государства, — произошли разительные перемены в том, что касается самой власти, протестного движения и представительской сферы. Народный протест также был вынужден искать для себя новое место, так как традиционные места сбора протестующих перестали привлекать внимание общества. В связи с тем что состояние государственной экономики Филиппин ухудшается, а трудовая миграция растет, политическая роль Манилы все более сдвигается в сторону защиты интересов и прав граждан страны, работающих за ее пределами.

Столичные города отчетливо выделяются на общем общественно-политическом фоне страны. История Дакки — пример того, как становление государства влияет на развитие города. Две основные соперничающие политические партии Бангладеш используют срок своих полномочий для создания пространства и памятников, символизирующих их пребывание у власти, и при этом отказывают в том же своим соперникам. Сегодня Дакка известна как город мечетей. В культурном пространстве Дакки конкурируют религия и атеизм. Дакка — столичный город, и потому его общественные пространства продолжают играть важную роль в символическом выражении политики государства. Как отмечает Хондкер²⁸, отличительной чертой общественных территорий в Дакке является сакрализация этих территорий за счет строительства временных мечетей, которые отмечают пространства для молитвы или святые места: та же тенденция, но в иной форме характерна и для посткоммунистической Европы²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действительно ли столицы государств отжили свое и их поглотил мировой капитализм? Действительно ли ведущие города более не зависят от национальных государств? Рассмотрев пример Юго-Восточной Азии, мы даем отрицательный ответ на оба этих вопроса.

28. *Khondker H. H. Dhaka and the contestation over the public space // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2009. Vol. 13. Iss. 1. P. 129–136.*

29. *Therborn G. Eastern drama.*

За исключением Нейпидо, Путраджайи, входящей в столичный регион Куала-Лумпур, и Ханоя все рассматриваемые в этом сборнике столицы являются ведущими городами для экономики своих стран, продуктом развивающихся национальных государств, для которых глобализация стала альтернативой и благоприятной возможностью. Вебстер и Манипонг поднимают вопрос о том, нужно ли ввиду нарушений экономики, вызванных спорными политическими мерами, сохранять за Бангком функции столицы. Однако это весьма опасная идея, ведь перенос столицы внутрь страны лишит любящий протестовать бангкокский средний класс того политического влияния, которым он сейчас пользуется на улицах столицы.

Во всем рассматриваемом нами регионе национальные правительства обладают значительным влиянием на жизнь столичных городов: в основном это непосредственное влияние государства, как в Бирме, Лаосе, Малайзии, Вьетнаме и до недавнего времени в Индонезии; в других странах авторитет национального правительства оказывается сильнее авторитета избранных местных органов власти. В результате регион за последние годы видел немало примеров того, как власть городов становилась опорой национального государства. Возникли две новые столицы с масштабными программами создания национальной иконографии. Сегодня разворачивается представляющийся успешным проект по превращению Ханоя в главный город, в том числе в научной и культурной сферах, и в основной порт страны, открытый для прямых иностранных инвестиций.

Юго-Восточная Азия — гигантский регион, для которого свойственны современные формы национализма и быстрый экономический рост. Подобное сочетание характерной для региона внутренней нестабильности политических систем с воздействием внешней, мировой экономики на его развитие предполагает, что столичные города часто оказываются в самом центре водоворота перемен. На примере рассмотренных в этом сборнике конкретных случаев мы видим, что меняющиеся формы демократии часто влияют на роль столичных городов (таких как Джакарта или Тайбэй) и на то, как именно политическая деятельность будет представлена в столице (к примеру, в Маниле). Будучи центрами новых национализмов, развивающихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, столичные города также остаются центрами международных и межрегиональных отношений. Это приводит к возникновению множества новых слабых мест (как в случае Ханоя и Вьентьяна) и внешних влияний на строительство столичных городов (как в случае Куала-Лумпура).

Столицы как особая категория городов обеспечивают демонстрацию, представительство власти и сопряжение различ-

ных ее типов: отсюда правительство страны контролирует процесс строительства нации, отсюда же оно управляет международными отношениями. Кроме того, столичный город — это окно во внешний мир. Как было показано во многих статьях этого специализированного сборника, усилия, направленные на создание образа страны, приводят к возведению монументальных конструкций, которые, помимо прочего, привлекают туристов.

Вопреки предсказаниям «Манифеста коммунистической партии», которым век спустя вторили приверженцы модернизации, подобное представление не уничтожает культурные различия, этнические и религиозные идентичности. Напротив, сегодня упрочению последних способствуют стратегии государственной власти и стратегии противостояния власти, принимаемые в столичных городах: Дакка отдает дань уважения бенгальскому языку, при этом сам город раздирают на части конкурирующие между собой исламизм и светский национализм. Отстроенный втайне город Нейпидо — свидетельство утверждения в Мьянме военного национализма, ориентированного внутрь страны и обращенного к ее прошлому. Бангкок, безусловно, уникальный пример: это столица тайского капитализма, региональный центр туризма и транспортной системы. Однако это еще королевский город, в котором все исполнено почтения к королю, и город, где высшие слои общества и средний класс могут спокойно занять здание международного аэропорта и правительственные здания, действуя как бы под защитой высшей, невидимой силы. Постколониальный Вьентьян как столица исторически слабой и обескровленной страны переживает непростые времена. В то же время Ханой преуспевает благодаря тому, что капитализм во Вьетнаме, достаточно крупной — в масштабах региона — стране, остается альтернативой, предложенной коммунистическим правительством. Это может повысить престиж города в сфере иностранных инвестиций и развития технологий, но в то же время — в символическом плане — вернет государству его могущество доколониального периода. Новая столица Малайзии, Путраджайя, — детище бывшего премьер-министра страны, грозного Махатхира Мохамеда. Это технократический город мирового масштаба, соответствующий современным экологическим стандартам, застроенный претенциозными правительственными зданиями, архитектурный облик которого — отчасти модернистский, но в основном исламистский, причем исламистский в духе Западной Азии, — вызывает в памяти Багдад или Исфахан. Джакарта до сих пор напоминает, скорее, главный город какой-нибудь провинции, чем центр всего Юго-Восточноазиатского региона, несмотря

на то что Индонезия является одной из самых крупных стран Юго-Восточной Азии. Местные памятники и топонимика не-двусмысленно националистичны, а социальная топография города сохранилась с колониальных времен. В периоды большей демократичности и прозрачности власти внутригосударственное доминирование Джакарты сокращается, однако прямо не оспаривается. Для Манилы и Тайбэя характерны внутригородские споры, хотя и вызванные различными причинами. В Маниле предметом споров являются социально-демократические аспекты власти, что приводит к стравливанию олигархических и/или авторитарных популистских режимов, представители которых скрываются в охраняемых резиденциях, с простым народом, который порой выступает под эгидой Католической церкви, а порой независимо от нее, и порождает два типа памятников мятежному народовластию: религиозные либо светские. Раскол в Тайбэе обусловлен идеями, привносимыми из материкового Китая. В соответствии с традиционной точкой зрения «Гоминьдана», материковый Китай случайно и на короткое время оказался во власти коммунистов: Тайбэй остается временной столицей Китая до освобождения континентальной части страны. Экономический успех тайваньского капитализма привел к созданию глобального образа города, нашедшего выражение в создании небоскреба Тайбэй 101. Однако на деле Тайбэй остается ареной политического соперничества «Гоминьдана» и Демократической прогрессивной партии; на мировом уровне он подчиняется вовсе не требованиям мирового капитала, но влиянию и политическим решениям Китая. Демократическая прогрессивная партия, которой после отмены военного положения периодически удается вырвать власть из рук представителей «Гоминьдана», действует в интересах жителей всего острова Тайвань.

Разнонаправленность городских исследований — основа их значимости и привлекательности, однако в настоящем сборнике мы в основном обращались к исследованиям, проводившимся в одной сфере. Примеры, рассмотренные в нашем специальном материале, иллюстрируют, каким образом важнейшие проблемы политической власти и политической борьбы проявляются в жизни городов. Ведь в конце концов столичные города являются основным местом осуществления национальной политики; для них характерны постоянная борьба и постоянное развитие, идущее одновременно с развитием самого государства, в мире, существование которого определяют все составляющие его страны и капитализм.

REFERENCES

- Amin A. Collective culture and urban public space. *City*, 2008, vol. 12, iss. 1.
- Amin A. Re-thinking the urban social. *City*, 2007, vol. 11, iss. 1.
- Anderson B. *The Spectre of Comparisons*, London, Verso, 1998.
- Bunnell T. *Malaysia, Modernity and the Multimedia Super Corridor*, London, Routledge, 2004.
- Chantana B. Thailand. *Domestic Adjustments to Globalization* (eds. C. Morrison, H. Soesastro), Tokyo, JCIE, 1998.
- Douglass M. Local city, capital city or world city? *Pacific Affairs*, 2006, vol. 78, no. 4, pp. 543–558.
- Evers H.-D., Korff R. *Southeast Asian Urbanism*, Hamburg, LIT, 2000.
- Friedmann J. The world city hypothesis. *Development and Change*, 1986, vol. 17, iss. 1, pp. 69–83.
- Goh B.-L., Liauw D. Post-colonial projects of a national culture: Kuala Lumpur and Putrajaya. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 71–79.
- Hershkovitz L. Tiananmen square and the politics of place. *Political Geography*, 1993, vol. 12, no. 5, pp. 395–420.
- Ho K. C. Globalization and Southeast Asian capital cities. *Pacific Affairs*, 2006, vol. 78, no. 4, pp. 535–541.
- Khondker H. H. Dhaka and the contestation over the public space. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 129–136.
- Leitner H., Kang P. Contested urban landscapes of nationalism: the case of Taipei. *Cultural Geographies*, 1999, vol. 6, no. 2, pp. 214–233.
- Logan W. S. Hanoi, Vietnam: representing power in and of the nation. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 87–94.
- Marshall R. *Emerging Urbanity: Global Urban Projects in the Asia Pacific Rim*, New York, Spon Press, 2003.
- Massey D. *World City*, Cambridge, Polity Press, 2007.
- Myers G. A. Making the socialist city of Zanzibar. *Geographical Review*, 1994, vol. 84, no. 4, pp. 451–464.
- Newman P., Thornley A. Hong Kong, Shanghai and Singapore: a battle for regional dominance: mega projects and state-led visions. *Planning World Cities: Globalization and Urban Politics*, New York, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 227–254.
- Olds K. Globalization and the production of new spaces: pacific rim projects in the late 20th century. *Environment and Planning A*, 1995, vol. 27, pp. 1713–1743.
- Porio E. Shifting spaces of power in Metro Manila. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 110–119.
- Rüland J. The dynamics of metropolitan management in Southeast Asia: an introductory note. *The Dynamics of Metropolitan Management in Southeast Asia*, Singapore, ISEAS, 1996.
- Salim W., Kombaitan B. Jakarta: the rise and challenge of a capital. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 120–128.
- Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*, 2nd ed., Princeton, NJ, Princeton University Press, 2001.
- Seekins D. M. “Runaway chickens” and Myanmar identity: relocating Burma’s capital. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, P. 63–70.
- Soesastro H. Domestic adjustments in four ASEAN economies. *Domestic Adjustments to Globalization*, Tokyo, JCIE, 1998.
- Sonne W. *Representing the State. Capital City Planning in the Early Twentieth Century*, Munich, Prestel, 2003.

- Therborn G. Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830–2006. *International Review of Sociology*, 2006, vol. 16, no. 2, pp. 209–242.
- Therborn G. Monumental Europe: on the iconography of European capital cities. *Housing, Theory and Society*, 2002, vol. 19, pp. 26–47.
- Tonkiss F. *Space, the City and Social Theory*, New York, Polity Press, 2005.
- Walsh J., Southiseng N. Vientiane: a failure to exert power? *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 95–102.
- Wang J.H., Huang Sh. Contesting Taipei as a world city. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 103–109.
- Webster D., Maneepong Ch. Bangkok: global actor in a misaligned national governance framework. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 2009, vol. 13, iss. 1, pp. 80–86.